

На правах рукописи

Матисон Андрей Викторович

**ГОРОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО РОССИИ XVIII в.
(ИСТОРИКО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО МАТЕРИАЛАМ
ТВЕРСКОЙ ЕПАРХИИ)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук

Екатеринбург – 2015

Работа выполнена на кафедре истории России Института гуманитарных наук и искусств Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Официальные оппоненты:

Владимиров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», заведующий кафедрой документоведения, архивоведения и исторической информатики

Кошелева Ольга Евгеньевна, доктор исторических наук, ФГБУН Институт всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник отдела исторической антропологии и истории повседневности

Леонтьева Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», заведующая кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета

Ведущая организация:

ФГБУН Санкт-Петербургский институт истории РАН

Защита состоится «8» декабря 2015 года в 12.00 на заседании диссертационного совета Д 212.285.16 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://dissovet.science.urfu.ru/news2/>

Автореферат разослан «___» _____ 20__ года

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

А.В. Шаманаев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Изучение истории Русской Православной Церкви является одним из важнейших направлений в отечественной историографии. Специалистами подготовлено значительное число капитальных работ, посвященных различным аспектам данной темы, при этом одним из вопросов, неизменно привлекавшим внимание исследователей, остается история православного духовенства России.

В то же время, многие из опубликованных исследований отличает одна особенность: изучение православного духовенства носит в них общий характер, основываясь в основном на законодательных и статистических источниках. При этом на фоне сформулированных выводов и выстроенных концепций фактически не исследуются и не сопоставляются различные группы внутри самого духовенства, функционирование которых зависело от места и особенностей служения и могло иметь много существенных отличий, влиявших на их положение в рамках всего «духовного» сословия. Тем самым, во многом остается неясным, насколько реальная история подобных групп православного духовенства разных регионов в разные хронологические периоды соответствует выстроенным историографическим концепциям.

Один из путей изучения представителей тех или иных сословий связан с рассмотрением их генеалогии. Главную роль здесь играют исследования большого числа родов и семей определенного региона. Комплексные исследования родословия представителей различных сословий давно уже стали востребованы и важны при изучении различных аспектов социальной истории государства. Вместе с тем, до сих пор фактически не проводились подобные исследования одного из ключевых сословий России – православного духовенства.

Именно поэтому комплексное рассмотрение генеалогии одной из наиболее значительных групп в составе духовенства – городских священно-церковнослужителей России XVIII в., в период становления и развития синодальной системы, обобщающий анализ данных, полученных на основе изучения родословных священно-церковнослужителей губернского и уездных городов, сопоставление присущих им особенностей в зависимости от места служения представляются весьма актуальными и перспективными.

Степень изученности темы. Обзор историографии состоит из двух частей: вначале приводятся общие сведения о работах, содержащих те или иные сведения по истории духовенства XVIII в., после этого анализируются основные концептуальные положения, содержащиеся в этих работах. Историографическая база проведенного исследования, в отличие от традиционного хронологического подхода, классифицирована

в диссертации по предметно-тематическому принципу, и обзор исследований строится от общих к частным: работы о Русской Церкви за весь период истории; работы по истории Русской Церкви в синодальный период в целом и конкретно в XVIII в.; работы по социальной истории России периода Империи, содержащие сведения о духовенстве; работы по истории духовенства непосредственно XVIII столетия; работы по истории отдельных епархий в XVIII в.; работы, посвященные частным аспектам истории духовенства («школьная» подготовка, фамилии и т.д.); работы по истории православных приходов; работы по истории Тверской епархии. Необходимо отметить, что в историографический обзор включены только исследования, содержащие данные о священно-церковнослужителях XVIII столетия, а работы, рассматривающие схожие сюжеты применительно к клирикам более раннего или более позднего периодов, в диссертацию не вошли.

История духовного сословия в XVIII столетии в той или иной мере нашла отражение во всех работах, охватывающих историю Русской Православной Церкви за весь период ее существования, среди которых изданные до 1917 г. сочинения А.В. Карташева и Н. Тальберга, а также опубликованная уже в советский период работа Н.М. Никольского¹.

Духовенство с различной степенью подробности рассматривалось и в исследованиях по истории Русской Православной Церкви в синодальный период в целом и в XVIII в. в частности. В их числе опубликованные до революции работы П.В. Верховского и С.Г. Рункевича, подготовленный в советский период и включенный в общий сборник по церковной истории очерк П.Г. Рындзюнского, изданное в эмиграции капитальное сочинение И.К. Смолича, вышедшая в 2003 г. монография В.А. Федорова².

История духовенства XVIII в. также отражена в трудах по социальной истории, главным из которых стало обширное сочинение Б.Н. Миронова, включающее подробные материалы обо всех сословиях Российской Империи³. Еще одной работой по социальной

¹ Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Минск: Белорусский экзархат, 1997. Т. 1. 720 с.; Т. 2. 592 с. [переиздание]; Никольский Н.М. История русской церкви. М.: Политиздат, 1985. 448 с.; Тальберг Н. История Русской Церкви. М.: Издательство Сретенского монастыря, 1997. 928 с. [репринт].

² Верховский П.В. Очерки по истории Русской Церкви в XVIII и XIX столетии. Варшава, 1912. Выпуск 1. 274 с.; Рункевич С.Г. История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. СПб., 1900. Т. 1. 430 с.; Рындзюнский П.Г. Церковь в дворянской империи (XVIII в.) // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 230-308; Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917 // История Русской Церкви. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Т. 8. 1996. Ч. 1. 800 с.; 1997. Ч. 2. 800 с. [переиздание]; Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700-1917. М.: «Русская панорама», 2003. 480 с.

³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с. Некоторые данные о духовенстве в России вошли и в другую работу того же автора (Миронов Б.Н. Русский город в 1740-е – 1860-е годы: Демографическое социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 271 с.).

истории, где можно найти данные о священно-церковнослужителях XVIII столетия, является монография Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой, в которой рассматривается сословное общество Российской Империи⁴. Одна из глав монографии посвящена именно духовенству и различным аспектам его истории, в том числе складыванию духовного сословия в XVIII – середине XIX вв.

Публиковались отдельные труды, посвященные исключительно изучению священно-церковнослужителей XVIII в., и здесь, в первую очередь, можно назвать сочинение профессора Казанской духовной академии П.В. Знаменского и монографию Г. Фриза⁵. Работа П.В. Знаменского разделена на пять частей, в которых рассматриваются определение на приходские должности (отдельно – в результате выборов и отдельно – по праву наследования), приходские штаты и выход из «духовного звания», юридические права духовенства, отношение клириков к духовным властям, материальное обеспечение духовенства. В работе Г. Фриза, в числе прочих вопросов, освещается положение духовенства в государстве, структура и материальное обеспечение приходской службы, взаимоотношения клириков с прихожанами, складывающаяся семинарская система и др.

Существуют менее масштабные труды, изданные еще в XIX в. и рассматривающие историю духовенства XVIII в., среди которых сочинения И. Знаменского, И. Хитрова и А. Щапова⁶. История священно-церковнослужителей XVIII в. нашла отражение и в обширном очерке по истории духовенства за два столетия, подготовленном П.С. Стефановичем для «Православной энциклопедии»⁷.

Вышло также несколько работ (в том числе диссертационных исследований), рассматривающих историю православного духовенства отдельных епархий в разные периоды XVIII в.: Н.А. Ершовой – по Петербургской епархии, Н.Д. Зольниковой – по Тобольской епархии, В.Б. Лебедева – по Псковской епархии, И.Н. Мухина – по Рязанской епархии⁸.

⁴ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Институт российской истории, 2010. 752 с.

⁵ Знаменский П.В. Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. СПб.: Издательский дом «Коло», 2003. 800 с. [переиздание]; Freeze G.L. The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge, 1977. 325 p.

⁶ Знаменский И. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880. 186 с.; Хитров И. Наше белое духовенство в XVIII столетии и его представители // Странник. Духовный журнал. СПб., 1896. Т. 2 (№ 8. С. 507-533); Т. 3 (№ 10. С. 276-297; № 11. С. 477-500); [Щапов А.]. Состояние русского духовенства в XVIII столетии // Православный собеседник. 1862. Кн. 2 (Май. С. 16-40; Июнь. С. 188-206).

⁷ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в Русской Церкви. XVIII-XIX вв. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 267-275.

⁸ Ершова Н.А. Приходское духовенство Петербургской епархии в XVIII веке. Автореферат дис. ... к.и.н. СПб, 1992. 16 с.; Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1981. 183 с.; Лебедев В.Б. Псковское духовенство во второй половине XVIII в. Автореферат дис. ... к.и.н. Великий Новгород, 2003. 23 с.; Мухин И.Н. Приходское духовенство в конце XVIII – начале XX вв. (по материалам Егорьевского уезда Рязанской епархии). Автореферат дис. ... к.и.н. М., 2006. 18 с.

В некоторых работах нашли отражение частные аспекты истории клириков XVIII в. Вопросам духовного образования посвящена работа П.В. Знаменского, проблемы социального статуса священно-церковнослужителей исследуются в статье Н.А. Ершовой, состояние духовенства на рубеже XVIII-XIX вв. освещено в работе А.М. Кузнецова, исследование В.Э. Дена посвящено представительству податных категорий населения в среде духовенства, вопросы описания священно-церковнослужителей в записках иностранцев были рассмотрены С. Трегубовым⁹. Некоторые проблемы бытовой стороны жизни клириков изучены в статьях А.Н. Минха (по материалам Саратовской епархии) и В.И. Семевского (по материалам Ярославской епархии)¹⁰. Значительный интерес у исследователей вызвали проблемы образования фамильных прозваний русского духовенства. Наиболее известным сочинением здесь является обстоятельная работ В.В. Шереметевского¹¹. Этой же теме посвящены статьи С.Г. Жилина и А.В. Родосского¹². Отдельные разделы, посвященные фамилиям русского духовенства, помещались также в общие работы, освещавшие все фамилии определенного географического региона¹³.

Отдельной темой исследований стало изучение истории православного прихода, частично затрагивающее и историю клириков. Еще в XIX в. этой проблемой занимался А.А. Папков¹⁴. Большинство современных исследований по этой теме построены на основе изучения Русского Севера и Сибири (работы Н.Д. Зольниковой, А.В. Камкина, М.В. Пулькина)¹⁵. В то же время существует и общее исследование Т.А. Бернштам,

⁹ П.В. Знаменский. Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб.: «Летний сад», «Коло», 2001. 800 с. [переиздание]; Ершова Н.А. Социальный статус приходского духовенства и его участие в процессе формирования российской интеллигенции в XVIII столетии // Проблемы истории России XVIII – XX веков (научные чтения памяти профессора Ю.Д. Марголиса). Сыктывкар, 1997. С. 18-25; Кузнецов А.М. Православное духовенство в период правления Павла I // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: Социально-исторические науки. М., 1998. С. 19-23; Ден В.Э. Податные элементы среди духовенства России в XVIII веке // Известия Российской Академии Наук. 1918. № 5. С. 267-292; № 6. С. 413-444; № 7. С. 679-708; № 13. С. 1357-1379; № 14. С. 1517-1548; Трегубов С. Религиозный быт русских и состояние духовенства в XVIII в. по мемуарам иностранцев // Труды Киевской духовной академии. 1884. № 6-9 (отдельный оттиск – Киев, 1884. 208 с.).

¹⁰ Минх А.Н. Быт духовенства Саратовского края в XVIII и начале XIX столетий // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1908. Вып. 24. С. 55-73; Семевский В.И. Сельский священник во второй половине XVIII века // Русская старина. СПб., 1877. Т. 19. С. 501-538.

¹¹ Шереметевский В.В. Фамильные прозвища великорусского духовенства в XVIII и XIX столетиях. М., 1908. 113 с.

¹² Жилин С.Г. Семинарские фамилии – символическая составляющая русского ономастикона // Факты и версии. Историко-культурологический альманах. СПб., 2005. Кн. 4. С. 121-137; Родосский А.В. Фамилии русского духовенства // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 2005. Вып. 17. С. 16-24.

¹³ См. например: Мосин А.Г. Исторические корни уральских фамилий. Екатеринбург: Голицынский, 2008. 791 с.

¹⁴ Папков А.А. Упадок православного прихода (XVIII-XIX века). Историческая справка. М., 1899. 163 с.

¹⁵ Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск: Наука, 1990. 288 с.; Камкин А.В. Сельские православные приходы Русского Севера (к изучению церковной истории и религиозности синодальной эпохи) // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (к 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца). Материалы Международной научной конференции. Киров. 1996. Том 1. С. 244-246; Он же. Сельский клир и крестьянство в XVIII в. Некоторые проблемы приходской жизни на Европейском Севере России // Европейский Север: история и

посвященное сельским приходам и не привязанное к конкретному региону (названное в подзаголовке «очерки по церковной этнографии»)¹⁶.

Некоторые сугубо краеведческие аспекты истории священно-церковнослужителей Тверской епархии были освещены в публикациях представителей губернского чиновничества и епархиального духовенства – как правило, членов Тверской ученой архивной комиссии. Вышедшие во второй половине XIX – начале XX вв. небольшими брошюрами или в виде статей, включенных в неофициальную часть журнала «Тверские епархиальные ведомости», они содержат данные по истории Твери, Ржева, Осташкова, их храмов, отдельных клириков и т.д.

Рассматривая основные концептуальные положения, сформулированные в названных исследованиях, необходимо отметить, что, по мнению всех авторов, так или иначе затрагивавших историю духовенства XVIII в., рассматриваемый период кардинальным образом отличался от предшествующих этапов в истории Русской Православной Церкви. Специалисты отмечали, что в начале XVIII в. духовенство еще не представляло собой замкнутого сословия, и в его состав могли поступать представители других социальных групп, преимущественно выходцы из податного населения (посадских, крестьян), но иногда даже дворяне. Позднее подобная возможность постепенно сходит на нет, и к концу XVIII в. духовенство становится замкнутой социальной группой.

Большинство авторов обращали внимание на весьма невысокий статус белого духовенства в XVIII в., в значительной степени сближающий его с податными слоями (хотя сами священно-церковнослужители и не относились к податному населению). Это в значительной мере обусловило крайне пренебрежительное отношение дворянства к священно-церковнослужителям. Благоприятные изменения в положении клириков происходят только в царствования Екатерины II и Павла I. В этот период по дарованным привилегиям духовенство в значительной степени сравнивается с личным дворянством.

Общий вывод специалистов заключается в том, что следствием действий, предпринимаемых правительством в течение столетия, явилось превращение духовенства в отдельное духовное сословие.

современность. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Петрозаводск, 1990. С. 25-26; Пулькин М.В. Городские и сельские приходы в конце XVIII в.: опыт сравнительного изучения (по материалам Олонецкой епархии) // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI-XVIII вв.). Тезисы докладов научной конференции (Москва, 3-5 декабря 1996 г.). Москва, 1996. С. 227-230; Он же. Прихожане и белое духовенство в XVIII в.: взаимоотношения вне храма (по материалам Заонежья) // Кижский вестник. № 7 (сборник статей). Петрозаводск, 2002. С. 21-27.

¹⁶ Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2007. 311 с.

Все исследователи пришли к заключению, что власти в XVIII в. постоянно стремились сократить численность духовенства. Главными средствами для этого назывались введение штатов и проведение разборов, продолжавшихся на протяжении всего столетия. Одновременно отмечалось, что представители духовного сословия также добровольно вливались в другие слои населения и служили одним из источников формирования бюрократии и разночинцев. Результатом предпринимаемых правительством усилий явилось сокращение удельного веса духовенства в государстве, но само количество священно-церковнослужителей в стране неуклонно возрастало.

Исследователи писали, что в XVIII в. продолжала сохраняться существовавшая с давнего времени традиция выборности клириков на приходские должности. Право избирать клириков оставалось в силе до конца столетия, но реально оно все больше утрачивало свое значение и было окончательно ликвидировано в конце XVIII в. Предоставленная мирянам возможность избирать кандидатов на должности клириков конкурировала в XVIII в. с традицией наследования приходских мест. Наследственность духовного звания, так же, как и выборность кандидатов на приходские места, сложилась в государстве задолго до начала синодального периода. Наследование должностей как отличительную особенность духовенства отмечали практически все исследователи.

Несмотря на еще более укреплявшуюся в XVIII в. традицию передачи приходских мест по принципу родства, само право наследования, в свою очередь, было несколько стеснено развитием системы духовного образования и появлением «ученых» кандидатов на священно-церковнослужительские должности. В то же время, сложилось мнение, что в случае необходимости выбора между наследником приходского места и кандидатом, получившим специальную подготовку, сами епархиальные власти далеко не всегда отдавали предпочтение последним. Одновременно указывалось на то, что право на наследование приходских мест вполне примирилось с новой тенденцией, так как сами духовные школы имели замкнутый, «сословный» характер и были предназначены в первую очередь для потомков священно-церковнослужителей.

Затрагивая вопрос о развитии духовных школ в России, исследователи отмечали, что уровень образования духовенства в XVII и в начале XVIII в. находился в самом плачевном состоянии. Уже в царствование Петра I были приняты меры для улучшения степени подготовленности и образованности духовенства, которые получили продолжение и при его преемниках. В то же время, многие авторы писали, что появление специальных учебных заведений далеко не решило этой проблемы. Количество лиц, получивших духовное образование в XVIII в., по данным исследователей, было весьма не велико.

Таким образом, оценки и выводы большинства специалистов, затрагивающих в своих исследованиях историю духовенства XVIII в., часто довольно близки, а в некоторых вопросах отличаются редкостным единодушием.

К сожалению, в историографии сложилась тенденция при рассмотрении белого духовенства воспринимать его, как правило, в целом, практически не разделяя на столичное и провинциальное, городское и сельское, на духовенство небольших уездных городов и духовенство кафедральных центров и т.д. Подобная практика является в корне неверной и ее можно сопоставить с тем, как если бы исследователи подходили с одинаковыми оценками к придворной аристократии и провинциальному служилому дворянству, столичному первогильдейскому купечеству и мелкому купечеству уездных городов и т.п.

В частности, в специальной литературе встречаются только весьма немногочисленные оценки, характеризующие отличия в социальном и экономическом положении городского и сельского духовенства. Авторы, которые хоть как-то пытались обратить внимание на некоторые различия между отдельными категориями духовенства, указывали на более высокий уровень материального обеспечения клириков в городах. Отдельные специалисты отмечали лучшую подготовленность для церковной службы городского духовенства, оговаривая, как правило, что и в городах образованных клириков было чрезвычайно мало.

Некоторое исключение составляют сочинения, посвященные изучению истории православного прихода, в которых исследуются, как правило, сельские реалии. В этих работах, однако, рассматривается не столько история священно-церковнослужителей, их статус, особенности прохождения службы, уровень образования, матримониальные связи, а преимущественно вопросы взаимоотношений клириков и прихожан.

В свою очередь, в многочисленных работах, посвященных изучению русского города, роль духовенства в его истории фактически не нашла отражения. Более того, во многих базовых работах по этой теме рассматриваются лишь «городские сословия» (т.е. купечество и мещанство, а в связи с ними иногда также и торгующее крестьянство), оставляя за скобками другие категории городского населения, в том числе духовенство. Среди подобных работ в первую очередь можно назвать монографии И.И. Дитяткина, А.А. Кизеветтера, Ю.Р. Клокмана и П.Г. Рындынского.

Как уже отмечалось, при изучении истории православного духовенства России весьма мало привлекались генеалогические методы, особенно в рамках комплексного исследования генеалогии священно-церковнослужителей тех или иных регионов России.

Одним из наиболее известных и удачных примеров комплексных исследований генеалогии других российских сословий являются работы А.И. Аксенова, посвященные изучению истории и родословия купечества Москвы и Московской губернии XVIII в.¹⁷

К сожалению, в области изучения генеалогии православного духовенства России до сих пор фактически не было подобных исследований, однако работы, посвященные изучению родословия отдельных священно-церковнослужительских фамилий, начали выходить достаточно давно. В единичных исследованиях, опубликованных до 1917 г., преимущественно рассматривалось родословие архиереев Русской Православной Церкви. В советский период публиковались материалы, касающиеся родословия «прогрессивных» общественных деятелей, чьи предки принадлежали к духовенству (Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова).

В 1990-е – 2000-е гг. в контексте общего ренессанса генеалогических исследований в России стало выходить все больше сочинений, посвященных отдельным священно-церковнослужительским родам, причем часть из них относится именно к духовенству Тверской епархии. Также были опубликованы статьи, затрагивающие некоторые вопросы методики и источниковой базы изучения родословия клириков. Одновременно были изданы первые справочники по генеалогии священно-церковнослужителей.

В области комплексных генеалогических исследований, пожалуй, единственным исключением долгое время оставалась статья А.В. Карасева, где были частично рассмотрены родословия духовенства Кашинского и Калязинского уездов Тверской губернии в XVIII – первой половине XIX вв. и сделан акцент на особенностях перехода представителей семей клириков в светскую службу¹⁸.

Недавно вышли несколько работ Е.Д. Сусловой, исследовавшей всю совокупность сельских священно-церковнослужителей Карелии (Заонежские и Лопские погосты) в XVI – начале XVIII вв.¹⁹ При этом автор активно использовала компьютерные способы обработки данных. В то же время, работы Е.Д. Сусловой относятся к сельскому духовенству Русского Севера и, разумеется, не затрагивают особенности развития династий городских клириков.

¹⁷ Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М.: Наука, 1988. 189 с.; Он же. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М.: Наука, 1993. 219 с.

¹⁸ Карасев А.В. Генеалогия приходского духовенства Кашинского и Калязинского уездов Тверской губернии XVIII – первой половины XIX века // Неизвестные страницы истории Верхневолжья. Сборник научных трудов. Тверь, 1994. С. 3-16.

¹⁹ Сулова Е.Д. Церковь и крестьянское сообщество в Карелии в конце XV – начале XVIII в. Автореферат дис. ... к.и.н. СПб., 2012. 30 с.; Она же. Фамильные и родственные связи сельского духовенства карельских приходов в начале XVIII века: опыт компьютерной обработки архивных данных // Информационные технологии и письменное наследие: материалы IV международной научной конференции (Петрозаводск, 3-8 сентября 2012 г.). Петрозаводск; Ижевск, 2012. С. 250-255; Она же. Служители церкви в Карелии раннего

Все вышеизложенное убедительно показывает необходимость отдельного исследования городского духовенства, в том числе, в рамках комплексного генеалогического исследования.

Объектом исследования настоящей работы является православное духовенство губернского и двух уездных городов Тверской епархии.

Предметом исследования соответственно стали генеалогические связи священно-церковнослужителей этих городов во всей их полноте и совокупности.

Цель исследования заключается в составлении «социальных портретов» городского белого духовенства в период становления и развития синодальной системы в России (1720-е гг. – конец XVIII в.) на основе изучения генеалогии всех священно-церковнослужителей крупного губернского и кафедрального центра (города Твери) и двух уездных городов Тверской епархии (Ржева и Осташкова), сопоставления сходства и отличий в судьбах клириков в зависимости от места их служения. Под «социальным портретом» в работе понимается совокупность основных социальных характеристик (происхождение, семейно-родственные связи, брачные стратегии, особенности служения, образование и др.) о духовенстве каждого из рассматриваемых городов. При этом за рамками изучения сознательно оставлены вопросы истории духовенства XVIII в., не связанные непосредственно с генеалогией и требующие отдельного исследования (например, характер материального обеспечения и имущественных владений клириков).

Задачи исследования состоят в том, чтобы установить динамику изменения количества храмов и численности духовенства; выяснить социальный состав и сословные связи клириков; проследить характер наследования священно-церковнослужительских должностей и образования наследственных династий; определить состав элиты городского духовенства; рассмотреть особенности получения духовного образования и прохождения приходской службы; выяснить характер матримониальных связей священно-церковнослужителей и особенности демографических процессов в среде духовенства; определить состав имен и фамильных прозваний городских клириков.

Хронологические рамки исследования. Временной отрезок, рассматриваемый в работе, представляет чрезвычайно важный период в истории российского духовенства, т.к. совпадает с учреждением, становлением и развитием синодальной системы в стране. Его начальный этап (1720-е гг.) характеризуется введением новых правил прохождения приходской службы, установлением штатов и системы духовных учебных заведений, а заключительный этап (конец XVIII в.) связан с завершением оформления духовного

сословия, отразившимся в окончательном установлении особых прав и привилегий для клириков (отмена телесных наказаний, введение наград и т.д.).

Территориальные рамки исследования. Тверь в рассматриваемый период представляла собой типичный губернский и епархиальный центр, а Ржев – типичный уездный город Европейской части России. Ржевский уезд был включен в Тверскую епархию в первой половине XVIII в. Осташков получил статус города только в 1770 г., а до этого местные храмы находились на территории Синодальной и Иосифо-Волоцкой монастырской слобод. Слободы входили в состав Ржевского уезда, вместе с тем, Осташковская церковная десятина была выделена из Ржевской церковной десятины еще в 1684 г. В свою очередь, еще до присвоения Осташкову статуса города одна из местных церквей в 1746 г. была переименована в собор, и здесь оказалась учреждена «протопопия». Таким образом, рассматриваемые населенные пункты были географически и административно связаны друг с другом, а клирики, служившие при храмах в этих городах, в значительной степени являлись типичными представителями православного духовенства центральной части России.

Методологическая база исследования. Исследование темы основывается на сочетании принципов историзма и научной объективности, которое позволило получить представление о факторах и сформировавшихся результатах развития православного городского духовенства Тверской епархии XVIII в. На основании примененного исследовательского подхода в комплексном контексте были представлены социально-культурные, церковно-исторические и демографические особенности городского духовенства этого региона. В рамках проведенного исследования обеспечивалось сочетание анализа макроисторических и микроисторических явлений в развитии духовенства. В результате были продемонстрированы когнитивные возможности актуального для мировой историографии широкого социально-исторического подхода к изучению развития различных социальных общностей в составе духовенства. В частности, для решения данной задачи был применен историко-генеалогический метод, который использовался наряду с ретроспективным, компаративным, квантитативным методами и методом контент-анализа. Особое место в рамках методологической базы исследования было уделено локально-историческому освещению региональных особенностей тверского городского духовенства, которое осуществляется при параллельном изучении трех значимых центров епархии: Твери, Ржева и Осташкова.

Научная новизна исследования. Диссертация представляет собой первое в историографии историко-генеалогическое исследование городского духовенства XVIII в. Полученные данные впервые позволили выявить общие и отличительные черты в

социальном развитии духовенства в изучаемых городах и предпринять комплексный анализ различных взаимосвязанных аспектов истории городского духовенства: от получения образования и поступления на службу отдельных клириков до формирования целых священно-церковнослужительских династий. Эти аспекты в значительной степени определили оформление духовенства как отдельного сословия в XVIII столетии. В работе впервые вводится в научный оборот обширный пласт исторических источников, использованных при составлении родословных (ревизские сказки, клировые и исповедные ведомости, делопроизводственные документы духовной консистории и др.).

Практическая значимость. Положения и выводы диссертации могут быть использованы в обобщающих исследованиях, при подготовке лекционных курсов, справочников и учебных пособий по социальной истории России, истории Русской Православной Церкви, истории тверского региона в XVIII в.

На защиту выносятся следующие положения:

1. На основе изученных источников выявлено, что в начале рассматриваемого периода состав духовенства в городах епархии был не одинаков. В Ржеве все клирики, а в Осташковских слободах – почти все были потомками духовенства, в то время как в Твери значительную часть составляли представители различных социальных категорий населения, помимо духовенства. После 1720-х гг. городское духовенство тверского региона пополняется практически только потомками клириков, составляя часть замкнутого «на входе» сословия. Одновременно, многие сыновья клириков, в результате действий правительства, широко пополняют другие социальные категории, составляя тем самым открытое «на выходе» сословие.

2. В работе показано, что в начале XVIII в. значительная часть приходских мест в городах наследовалась, и многие клирики, служившие при храмах, были сыновьями и внуками священно-церковнослужителей тех же городов. При некоторых церквях, особенно в Твери и в Ржеве, все должности были заняты членами одних и тех же родов духовенства. На протяжении столетия наследование сокращается, хотя и в разной степени: в Ржеве – незначительно, в Осташкове и особенно в Твери – более существенно. Это привело к тому, что в конце XVIII столетия в городах уже не было храмов, где все места были бы заняты исключительно родственниками. Несмотря на это, основу духовенства во всех городах составляли «старинные» священно-церковнослужительские династии. Выходцами из их среды частично были и протоиереи городских соборов, представлявшие элиту городского духовенства. Большинство из них занимали высокие административные должности, а некоторые преподавали в «духовных школах».

3. С развитием системы образования в городах, где находились собственные учебные заведения (в Твери – семинария, в Осташкове – духовное училище), большинство кандидатов в клирики оканчивали те или иные классы, и при определении на места именно им отдавалось предпочтение епархиальными властями. В кафедральном центре почти все священники были выпускниками высших классов семинарии. Напротив, в Ржеве, где отсутствовало свое учебное духовное заведение, большинство клириков не имели хоть какого-нибудь образования, кроме домашнего.

4. В диссертации определено, что матримониальные союзы в значительной степени заключались священно-церковнослужителями в своей среде, что было особенно характерно для клириков Твери. В свою очередь, для духовенства Ржева и Осташкова более типичны были браки с представителями местных посадских обществ. Соответственно в Твери был выше процент получения приходских мест в приданное, а в двух других городах – чаще происходило наследование по мужской линии. Удалось установить, что демографические показатели духовенства в значительной мере совпадали с посадским миром: примерно равным было среднее число детей в семье, рождаемость везде превышала смертность и т.д. Это относится и к именам, присваиваемым в семьях священно-церковнослужителей, которые были сходными не только в среде духовенства, но мало отличались и от имен посадских. В то же время, фамилии клириков находились только в стадии формирования, и система фамильных прозваний даже отдаленно не носила столь законченного характера, как у других категорий городского населения.

5. Анализ источников показал, что в XVIII в. в городах Тверской епархии происходит разнонаправленное изменение численности духовенства. Тем самым преодолено сложившееся в историографии представление о практически повсеместном увеличении количества священно-церковнослужителей. Если в Ржеве подобные изменения не носят существенного характера, а в Осташкове действительно наблюдаются изменения в сторону увеличения, то в Твери – напротив, происходит значительное снижение численности духовенства, связанное с сокращением части храмов.

6. Использованный в диссертации историко-генеалогический метод, впервые в историографии примененный при исследовании большого числа родов священно-церковнослужителей определенного региона Российской империи, позволил установить, что в истории духовенства трех городов в рассматриваемый период наблюдается много общего (наследование должностей, наличие священно-церковнослужительских династий и др.) и одновременно немало различий (уровень образования, характер матримониальных связей и др.). Эти особенности частично совпадают, частично отличаются от истории священно-церковнослужителей других мест, что доказывает необходимость

индивидуального подхода при изучении любых групп духовенства, как в зависимости от места их служения (кафедральные центры, уездные города, сельская местность), так и в зависимости от того или иного региона проживания.

Апробация. Основные положения диссертации изложены в монографии, посвященной истории и генеалогии духовенства Твери XVIII в., и в статьях, рассматривающих историю и генеалогию священно-церковнослужителей Ржева и Осташкова в XVIII в. (в 2011 г. монография награждена Макариевской премией). Отдельные аспекты данной темы также исследованы в других научных статьях, опубликованных в том числе в журналах, входящих в перечень ВАК, и освещены в докладах и выступлениях на конференциях. Кроме того, ранее была опубликована монография, рассматривающая генеалогию одного из священно-церковнослужительских родов, чьи представители служили при храмах Твери в XVIII в., а в отдельную справочную серию «Духовенство Тверской епархии XVIII – начала XX веков» включены росписи многих родов, состоявших при тверских, ржевских и осташковских храмах. Отдельные положения диссертации, кроме того, рассмотрены в докладах на международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, приложения и списка использованных источников и литературы. В приложении к диссертации помещены росписи 16 родов тверского духовенства, 3 родов ржевского духовенства и 7 родов осташковского духовенства, чьи представители состояли на действительной службе на протяжении всего рассматриваемого периода.

Во **Введении** к диссертации определяется актуальность темы исследования и ее новизна, формулируются цели и задачи исследования, проводится разбор историографии темы.

В **первой главе** – «Источники изучения генеалогии и методика реконструкции родословных духовенства XVIII в.» помещен анализ документальной базы исследования и рассматриваются возможности полноценного восстановления генеалогии священно-церковнослужителей.

В ее **первом разделе** – «Источники» показано, что круг материалов изучения генеалогии духовенства широк и разнообразен, и его основой являются массовые документы официального происхождения.

Массовые источники по генеалогии православного духовенства России синодального периода и XVIII в. в частности можно разделить на две основные группы: источники церковного происхождения и источники светского происхождения. В свою

очередь, первые включают документы церковного учета исключительно духовенства (клировые ведомости, семинарские ведомости, материалы консисторий о службе клириков) и документы церковного учета всего православного населения, в том числе священно-церковнослужителей (исповедные ведомости, метрические книги). К массовым источникам светского происхождения по генеалогии духовенства относятся, прежде всего, материалы ревизий (сказки и переписные книги). Вспомогательный характер при изучении духовенства синодального периода носят материалы массовых переписей населения и земель более раннего времени (писцовые и переписные книги), позволяющие установить данные о предках духовенства XVIII в.

Все названные источники составили источниковую базу настоящего диссертационного исследования.

Ревизии (переписи населения), проводившиеся правительством с фискальными целями в XVIII – XIX вв. (1-я ревизия состоялась в 1718-1727 гг., последняя, 10-я – в 1856-1860 гг.), с разной степенью полноты охватывали различные группы населения России. Сведения о православных священно-церковнослужителях вошли в документы большинства ревизий, за исключением 3-й – проведенной в 1761-1765 гг. При этом, в отличие от податных сословий, подлежащих по итогам ревизий подушному обложению, учет духовенства осуществлялся «для одного только счета». Первичными документами переписей являлись ревизские сказки, на основе которых составлялись сводные документы – перечневые ведомости, окладные книги, а в ходе некоторых ревизий – переписные книги.

В диссертации использовались документы 1-й, 2-й, 4-й, 5-й и 6-й ревизий. Последняя из этих переписей проводилась уже в XIX в., однако и она содержит сведения о духовенстве более раннего периода. Документы 1-й и 2-й ревизий хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде «Ландратские книги и ревизские сказки» (Ф. 350), а документы 4-й, 5-й и 6-й ревизий – в Государственном архиве Тверской области (ГАТО) в фондах Тверской духовной консистории (Ф. 160) и Тверской казенной палаты (Ф. 312). Все сказки и переписные книги этих ревизий духовенства Твери были опубликованы нами ранее.

Сами ревизские сказки содержат достаточно полную информацию о священно-церковнослужителях XVIII столетия, а некоторые из переписей подробно отражают все изменения в составе семей клириков.

Помимо документов ревизий, относящихся к священно-церковнослужителям, в работе также использовались ревизские сказки других категорий населения Твери, Ржева и Осташкова. В их числе сказки 1-й ревизии тверских приказных и архиерейских

служителей, содержащие сведения об определении в состав духовенства, сказки приказных и архиерейских служителей (канцеляристов, копиистов, подъячих, архиерейских детей боярских, сторожей и др.), связанных происхождением или родством с духовенством Твери, и сказки разночинцев (приказных, пушкарей, солдат и др.) Ржева. Кроме того, для уточнения данных о сословных связях клириков с городским населением привлекались ревизские материалы посадских людей и «цеховых» Твери, а также крестьян и посадских Осташковских слобод. Эти документы содержат данные о представителях священно-церковнослужительских семей, записанных в посад, а сказки 3-й и 4-й ревизии - также о матримониальных связях горожан с духовенством (включена информация о происхождении жен горожан и замужестве их дочерей).

Важным источником исключительно по генеалогии духовенства являются документы церковного учета священно-церковнослужителей – клировые ведомости, представляющие своего рода аналоги формулярных списков военных и чиновников. Клировые ведомости были введены в 1769 г., но окончательно их форма оказалась установлена только в XIX в. Клировые ведомости тверских, ржевских и осташковских храмов XVIII в. хранятся в фонде Тверской духовной консистории (ГАТО. Ф. 160. Оп. 1). Сохранились они не полностью: наиболее ранние из доступных ведомостей относятся к 1773 г.

Клировые ведомости дают достаточно полную картину приходского духовенства последней четверти столетия и существенно дополняют информацию ревизских сказок.

Отсутствие клировых ведомостей за значительную часть XVIII в. определенным образом позволяет восполнить обращение к исповедным ведомостям (или росписям), составленным в каждом церковном приходе, начиная с первой четверти XVIII в. Ведомости включали сведения обо всех членах причта и прихожанах с указанием, кто из них был у исповеди и святого причастия. Исповедные ведомости содержат данные только об именах и возрасте священно-церковнослужителей и членов их семей и, таким образом, сообщают о них более скудную информацию, нежели клировые ведомости. Вместе с тем, в исповедных ведомостях приводятся имена жен и дочерей духовенства, т.е. данные, которые начинают помещаться в клировых ведомостях и ревизских сказках только в последней четверти XVIII в.

Исповедные ведомости населения Твери, Ржева и Осташкова также хранятся в ГАТО в фонде Тверской духовной консистории (Ф. 160. Оп. 1) и, как правило, объединены в общие дела с ведомостями населения соответствующих уездов.

В фонде Тверской духовной консистории кроме того находятся метрические книги Твери, Ржева и Осташкова, представляющие, как и исповедные ведомости, документы

церковного учета всего православного населения. Книги велись при приходских храмах, и в них вносились сведения о родившихся, вступивших в брак и умерших лицах. Повсеместное введение метрических книг в России произошло по указу 1722 г., но наиболее ранние из сохранившихся метрических книг по рассматриваемому региону относятся только к середине 1730-х гг.

Подробные сведения о матримониальных связях духовенства включены только в сказки 5-й ревизии и охватывают тринадцатилетний период с 1782 по 1795 гг. Информация о родстве духовенства в рамках одного прихода внесена и в клировые ведомости, однако только применительно к концу XVIII в. Таким образом, метрические книги являются важнейшим источником при изучении брачных союзов священно-церковнослужителей для большей части XVIII столетия.

Обширная информация о матримониальных связях клириков сохранилась также в делах о назначениях на должность, рукоположениях в сан, перемещении священно-церковнослужителей. Эти дела были сформированы в делопроизводстве Тверской духовной консистории (ГАТО. Ф. 160) и включены в отдельные описи, объединяющие в каждом случае город и уезд: Тверь и уезд (опись 3), Ржев и уезд (опись 13), Осташков и уезд (опись 12).

Иногда в делопроизводственных документах консистории указываются фамильные прозвания священно-церковнослужителей или кандидатов на приходские должности. Это очень важная информация, так как в других документах (ревизских сказках, исповедных ведомостях, метрических книгах) указания на фамилии клириков отсутствуют, а в некоторых клировых ведомостях приведены только фамильные прозвания сыновей священно-церковнослужителей.

Еще одним источником, позволяющим установить фамилии детей духовенства, являются семинарские ведомости. Тверская духовная семинария была учреждена в конце 1730-х гг. (до этого в Твери с начала 1720-х гг. существовала архиерейская школа), и документы этого учебного заведения отложились в ГАТО в отдельном архивном фонде (Ф. 575). Важной составляющей семинарских материалов являются ежегодные ведомости учеников, в которые включалась информация об их именах, фамилиях, возрасте, а также данные об именах и месте службы их отцов. В эти ведомости вносились также аналогичные данные об учениках епархиальных духовных училищ (в Осташкове такое училище появляется в начале 1750-х гг.).

Еще одну группу источников, не имеющих непосредственного отношения к духовенству синодального периода, но позволяющих выяснить данные о более ранних

поколениях семей священно-церковнослужителей составляют материалы писцовых и переписных описаний населения и земель в XVII – начале XVIII вв.

Во все писцовые и большую часть переписных книг (за исключением документов переписи 1646-1648 гг.) вошла информация о духовенстве, служившем при городских и сельских церквях. В писцовых книгах также приводятся описания храмов, особенно подробные в книгах 1680-х гг., в переписных книгах – только их наименования. В писцовые книги раннего периода включены данные об именах священно-церковнослужителей без указания членов их семей. В писцовых книгах 1680-х гг., а также переписных книгах 1670-х и начала XVIII в. часто помещены имена сыновей и внуков духовенства.

В диссертации использовались писцовая книга Твери 1626 г., писцовая книга Твери 1685-1686 гг., переписная книга Твери 1677-1678 гг., переписная книга Твери 1709 г. (все источники опубликованы). Кроме того, были использованы переписная книга Ржевского уезда 1677 г. и переписная книга Ржева и уезда 1717 г., включающие и информацию о храмах оставшихся слобод, а также сказки, подававшиеся в Ржеве во время проведения переписи 1710 г. (хранятся в РГАДА в фонде «Архив прежних вотчинных дел» (Ф. 1209) и фонде «Ланратские книги и ревизские сказки (Ф. 350)).

Во **втором разделе первой главы** – «Реконструкция родословных» рассматривается методика восстановления генеалогии клириков.

В диссертации исследуется судьба около 500 тверских, 170 ржевских и 130 оставшихся клириков, состоявших на службе в 1720-е – 1790-е гг. Кроме того, в работе приводятся сведения о многих родственниках этих священников, диаконов и причетников (отцы, братья, сыновья, племянники и другие лица, не занимавшие приходские должности в городе, а также матери, жены, дочери и сестры). Несмотря на то, что число клириков и членов их семей оказалось чрезвычайно велико, в ходе изучения священно-церковнослужителей применялся метод последовательного прослеживания генеалогии каждого из родов городского духовенства, а уже на основе сопоставления данных формулировались общие выводы.

В разделе на конкретных примерах, рассматривается возможность восстановления родословных клириков XVIII в. с использованием указанных выше источников как по нисходящей (от предков к потомкам), так и по восходящей (от потомков к предкам) линиям.

В качестве примера реконструкции генеалогии духовенства по нисходящей линии выбран священно-церковнослужительский род, подвизавшийся при Тверском Рождественском девичьем монастыре. В диссертации подробно показаны особенности

восстановление генеалогии этого рода с 1670-х гг. до начала XIX в. на протяжении шести поколений (более чем 50 человек).

Возможность реконструкции генеалогии духовенства по восходящей линии рассмотрена на примере священно-церковнослужительского рода, чьи представители долгое время состояли в причте Симеоновского храма Твери. В тексте последовательно демонстрируется, как удалось восстановить генеалогию шести поколений этого рода клириков (около трех десятков человек).

Таким образом показано, что широкий круг разнообразных источников, а также разработанные методы реконструкции родословных священно-церковнослужителей дают возможность подробно исследовать историю и генеалогию духовенства Твери, Ржева и Осташкова в XVIII столетии.

Во **второй главе** – «Духовенство в период учреждения синодальной системы (1720-е гг.)» исследуется тверские, ржевские и осташковские священно-церковнослужители в этот хронологический период.

В ее **первом разделе** «Храмы и численность духовенства» приводятся данные о церквях их штатах и количестве клириков. Наиболее полные сведения о городских храмах и состоявших при них священно-церковнослужителях в 1720-е гг. содержатся в документах 1-й ревизии (1723 г.).

Как крупный региональный центр, Тверь всегда имела большое число церквей. Согласно материалам ревизии, белое духовенство служило в Твери в 1723 г. при 33 храмах, имевших собственные причты – соборе, нескольких монастырских и многочисленных приходских церквях. В общей сложности при них состояли 135 человек. В Ржеве находилось 9 храмов – собор, монастырский храм и приходские церкви, при которых служили 44 клирика. На территориях, которые через полвека составили город Осташков, в этот период действовали 3 храма – монастырская церковь и 2 приходских слободских храма. Здесь служили 30 человек, и при этом штаты двух местных церквей существенно превосходили штат городского собора Ржева и были сопоставимы со штатом кафедрального собора Твери.

Во **втором разделе второй главы** – «Социальный состав и сословные связи духовенства» анализируется происхождение священно-церковнослужителей.

Если в Ржеве и в Осташковских слободах абсолютное большинство клириков составляли потомки духовенства, то в Твери социальный состав священно-церковнослужителей был более разнообразен. Впрочем, и здесь наиболее значительная группа клириков (83,8 %) была представлена именно потомками духовенства. Вторую по численности группу составляли дети архиерейских, соборных, монастырских слуг и

служителей и певчих. Часть священно-церковнослужителей являлась сыновьями тверских посадских людей и приказных.

Процесс сословного взаимопроникновения духовенства и других категорий населения был обоюдным: выходцы из духовенства в Твери, Ржеве и в Осташковских слободах записывались в посад, а также оказывались в числе приказных людей и разночинцев. В первой четверти XVIII в. приток выходцев из духовенства в посадские здесь усилился, что было вызвано правительственными мероприятиями, направленными на строгую регламентацию состава и численности священно-церковнослужителей.

Третий раздел второй главы – «Наследственная служба при храмах. «Старинное» духовенство» посвящен рассмотрению основанной на родственных началах передачи приходских мест внутри семей клириков.

Обычай наследования сыновьями духовенства «по отцам церкви и церковному месту», установившийся еще в доимперский период, способствовал складыванию особых священно-церковнослужительских династий, чьи представители из поколения в поколение служили при храмах в одном и том же городе или селе.

В Твери, Ржеве и в Осташковских слободах к «старинному» местному духовенству относилось большинство клириков, являвшихся сыновьями священно-церковнослужителей и служивших при городских храмах во время проведения 1-й ревизии. Они принадлежали к нескольким десяткам родов духовенства, часть из которых была представлена в этот период при местных церквях не менее чем третьим, четвертым или даже пятым поколением.

Многие из них продолжали службу при одном и том же храме из поколения в поколение, при этом в Твери и в Ржеве в значительной части церквей в 1720-е гг. все клирики были близкими родственниками по мужской линии. Только в Осташковских слободах, учитывая большой штат храмов, все места были заняты представителями различных священно-церковнослужительских родов.

Третья глава – «Духовенство в период становления и развития синодальной системы (вторая четверть – конец XVIII в.)» посвящена анализу священно-церковнослужителей Твери, Ржева и Осташкова с 1720-х гг. до конца столетия.

В ее **первом разделе** – «Храмы и численность духовенства» рассматривается состав городских церквей и количество служивших при них клириков.

После 1-й ревизии, на протяжении XVIII в., численность храмов Твери изменялась в основном только в сторону уменьшения. Если в 1723 г. в городе было 33 церкви, имевших собственные причты, то к 1799 г. их число сократилось до 29. Численность духовенства, служившего при городских храмах Твери, также изменилась в сторону

уменьшения: в 1723 г. в Твери было 135 священно-церковнослужителей, а во время 5-й ревизии (1795 г.) – только 112 человек.

В Ржеве во второй половине XVIII в. число храмов незначительно сокращается. Уже в 1770-е гг. в городе было только 8 церквей, при которых служило белое духовенство, и это количество остается неизменным в последующие десятилетия. При церквях Ржева количество клириков в конце XVIII в. была фактически таким же, как и в 1720-е гг.: во время проведения 5-й ревизии здесь служили 45 человек.

В Осташковских слободах во второй половине XVIII в., в отличие от Ржева и Твери, число храмов изменяется в сторону увеличения: в 1762 г. открывается новая церковь. В 1770 г. был учрежден город Осташков, и в конце XVIII в. здесь существовали 4 храма. Численность духовенства, служившего при них, существенно изменилась к концу XVIII в. в сторону увеличения по сравнению с 1-й ревизией: во время 5-й ревизии при храмах состояли 38 человек.

Во **втором разделе третьей главы** – «Социальный состав и сословные связи духовенства» исследуется происхождение священно-церковнослужителей, поступивших на службу после 1-й ревизии.

Источники позволяют установить данные о 348 лицах, определенных к священно-церковнослужительским местам в Твери. Не удалось выяснить происхождение 67 из них. Социальный состав клириков, происхождение которых известно, становится более однородным, нежели в 1723 г. Почти все священно-церковнослужители (98,2 %) являлись потомками духовенства. Большую часть из них, как и ранее, составляли сыновья городских клириков Твери. Остальные – были преимущественно потомками священно-церковнослужителей других населенных пунктов Тверской епархии.

В Ржеве известны 124 человека, приступившие к службе при городских храмах. Данные об отцах 26 из них отсутствуют, а происхождение остальных является столь же однородным, как и в Твери: 95,9 % были сыновьями священно-церковнослужителей, причем большинство (еще более значительное в процентном отношении, чем в кафедральном центре), являлись сыновьями местных клириков.

Сходным было и происхождение осташковского духовенства. Известны 102 человека, поступившие к храмам. Происхождение 7 человек не выяснено, а из числа других – 97,9 % были сыновьями клириков. И вновь абсолютное большинство из них являлись сыновьями именно осташковских священно-церковнослужителей.

Таким образом, можно заключить, что сословные связи духовенства с представителями других групп населения в течение XVIII в. фактически сошли на нет.

Однако, если рассмотреть ситуацию с выбывшими из духовного сословия, складывается несколько иная картина.

Источники сообщают о 134 лицах, утративших после 1-й ревизии и до конца XVIII в. свою принадлежность к духовенству Твери (как священно-церковнослужителях, так и их детях), в Ржеве – о 50, в Осташкове – о 23. Значительная часть выбывших из духовенства оказалась среди посадских. В Твери их было 42,5 % от общего числа, в Ржеве – 75,7 %, в Осташкове – 26,1 %. Остальные попали в приказные, в военную службу, в архиерейские, монастырские служители и певчие или «в светское ведомство» (т.е. в те же посадские и приказные). Значительная часть выбывших в посадские, «в светское ведомство» и в военную службу была определена туда в ходе проводившихся «разборов» духовенства.

В третьем разделе третьей главы – «Наследственная служба при храмах. «Старинное» духовенство» рассматривается передача приходских мест на основании родственных связей.

Среди сыновей клириков, определенных после 1-й ревизии на священно-церковнослужительские должности в епархиальном центре, к числу потомков духовенства собственно Твери принадлежали 58,7 % из них, что существенно меньше, чем во время проведения 1-й ревизии (83,5 %).

В свою очередь, в Ржеве среди потомков священно-церковнослужителей, определенных к храмам, сыновьями местных клириков были – 71,3 %, а в Осташкове – 65,6 %. Это меньше, чем во время проведения 1-й ревизии (в Ржеве – 86,5 %, в Осташковских слободах – 100 %), однако превосходит аналогичный показатель в Твери.

Со стороны властей после 1720-х гг. предпринимаются некоторые меры для ограничения наследования священно-церковнослужительских должностей. Вместе с тем, наследственность приходских мест на протяжении XVIII в. сохраняется еще в полной мере. Проявлялся этот процесс в разных формах. В большинстве случаев сын клирика производился к тому же храму, где служил его отец, и, рано или поздно, занимал его должность, при этом иногда он сразу определялся на место отца. Иногда он первоначально занимал приходскую должность при ином храме, а позднее производился на место отца.

Значительная часть клириков, являвшихся потомками духовенства Твери, Ржева и Осташкова, была представлена сыновьями священно-церковнослужителей, переведенных в эти города и оказавшихся на приходских местах в городе относительно недавно. В то же время, среди потомственных клириков, определенных на приходские должности после 1-й ревизии, некоторые принадлежали не менее чем к третьему, четвертому, пятому, шестому,

а в некоторых случаях даже седьмому или восьмому поколению родов, служивших в этих городах.

В то же время, на протяжении XVIII в. уменьшается не только число потомков местного духовенства, занимающих места при городских храмах, но и возможности представителей одного и того же священно-церковнослужительского рода замещать все приходские должности при одной и той же церкви. Если во время 1-й ревизии в некоторых церквях Твери и Ржева все клирики были близкими родственниками по мужской линии, то во время 5-й ревизии (1795 г.) в этих городах не остается ни одной церкви, в которой сохранялась бы подобная ситуация. При осташковских храмах с их большими причтами в XVIII в. ни один род из числа местного духовенства не занимал всех должностей.

Потомки духовенства, служившего в Твери, Ржеве и в Осташковских слободах в начале XVIII в. (1-я ревизия), к концу столетия (5-я ревизия) по-прежнему замещали часть приходских мест при местных храмах. В Твери в 1795 г. их было 25,9 % от общего числа священно-церковнослужителей и они представляли в общей сложности 16 родов, которые можно отнести к «старинному» духовенству кафедрального центра. Представители священно-церковнослужительских родов, занимавших приходские должности в Ржеве во время 1-й ревизии, к концу XVIII в. замещали 17,7 % мест при городских храмах и были представителями трех «старинных» ржевских родов. В Осташкове потомки местных священно-церковнослужителей 1-й ревизии составляли довольно значительный процент среди клириков в конце XVIII в. (34,2 %) и принадлежали к 7 родам духовенства.

Четвертый раздел третьей главы – «Привилегированное духовенство: кафедральные протоиереи и настоятели городских соборов» посвящен изучению верхушки клира Твери, Ржева и Осташкова.

Если «старинное» духовенство можно условно назвать «наследственной аристократией», то в городах одновременно были клирики, которых столь же условно можно считать представителями «служилой аристократии». В Твери к ним, в первую очередь, следует отнести протоиереев кафедрального собора, а в Ржеве и в Осташкове – протоиереев городских соборов.

Священник, возглавлявший причт собора, всегда имел сан протоиерея и в XVIII в. (как и в более ранний период) именовался «соборным протопопом» или «соборным протоиереем», а после превращения этого сана в почетную награду именовался в епархиальном центре «штатным протоиереем кафедрального собора», а в уездных городах – настоятелем. При этом кафедральный протоиерей, по существу, являлся первенствующим лицом среди белого духовенства епархии и зачастую был ближайшим

помощником правящего архиерея. Естественно, подобное положение выделяло его из числа священнослужителей, делало наиболее важной фигурой среди провинциального духовенства и часто существенно сказывалось на судьбе его потомков. В рамках уезда таким лицом был настоятель городского собора.

Рассмотренные в этом разделе биографии городских протоиереев показывают, что все кафедральные протоиереи Твери были выходцами из среды духовенства Тверской епархии, а некоторые из них и сыновьями клириков Твери. Принадлежность к потомственному духовенству характерна также для большинства (а возможно, и для всех) протоиереев Ржева и Осташкова. В Твери правящие архиереи стремились назначать на место кафедрального протоиерея наиболее способных священников, уже служивших ранее при соборе, как правило – в должности ключаря. Важным условием было наличие определенного административного, а с конца XVIII в. – и педагогического опыта. В некоторых случаях архиереи посылали опытных тверских священников для замещения должности настоятеля при уездных соборах.

Вместе с тем, немалое значение имели и родственные связи, способствовавшие продвижению по службе. Однако, если в Твери они играли лишь некоторую роль при определении в протоиереи, то в уездах наблюдается прямая зависимость от родства при назначении на место настоятеля собора, т.е. должности фактически наследовались. В то же время, высокое положение, занимаемое кафедральными и городскими протоиереями, влияло и на судьбы их потомков, часто занимавших священнослужительские должности при тех же соборах или при городских храмах, а также, в некоторых случаях, становившихся светскими чиновниками или состоятельными купцами (особенно в Твери).

В четвертом разделе третьей главы – «Определение на священно-церковнослужительские должности, духовное образование и особенности прохождения приходской службы» рассматриваются различные аспекты «духовной» службы в городах в XVIII в.

Замещению той или иной приходской должности предшествовало согласование кандидатуры претендента в духовной консистории и утверждение правящим архиереем. Основанием для этого неизменно являлось прошение, которое подавалось в консисторию: о рукоположении в сан, назначении на должность, перемещении в другой приход и т.д. Особенности определения на священно-церковнослужительские должности в Твери, Ржеве и в Осташкове рассмотрены в диссертации на основе нескольких сотен прошений, которые удалось обнаружить в делопроизводственных материалах Тверской духовной консистории (в Твери – 176, в Ржеве – 87, в Осташкове – 99).

Авторами прошений были кандидаты на замещение того или иного приходского места, прихожане, члены клира, родственники претендентов. Некоторые прошения иногда составлялись совместно.

В Твери и в Осташкове около половины прошений подавались самими кандидатами на приходскую должность. При этом довольно часто, хотя и не во всех случаях, претендент сообщал о том, что его кандидатура поддержана прихожанами храма. Иногда о своей поддержке просителя заявляли и клирики храма.

Просьбы от родителей кандидатов или других родственников подавались в особых обстоятельствах (например, родителями малолетних детей).

В некоторых случаях прошения о назначении на приходское место того или иного кандидата составлялись самими прихожанами. Это часто случалось, когда речь шла о назначении на должность родственника скончавшегося, престарелого или перемещенного священно-церковнослужителя, и было, вероятно, связано с тем, что архиереи не в полной мере приветствовали наследственность в приходах. Как и в случае отдельных прошений прихожан, сходными мотивами, вероятно, диктовалось составление прошений, которые подавались клириками храма и прихожанами совместно.

Представители духовенства выступали самостоятельными просителями о назначении кандидата в Твери, как правило, в бесприходных храмах, например, в соборе, где получение должностей фактически не зависело от наследственных отношений.

Более чем в 90 % случаев все вышеназванные прошения удовлетворялись. Представляется, что это прямо свидетельствует о том, что кандидатуры в большинстве случаев были заранее, до подачи прошения, согласованы с чиновниками консистории, и вся процедура носила в достаточной степени формальный характер. Только в некоторых случаях в консисторию подавалось сразу несколько прошений о замещении одного и того же приходского места и проходило действительно полноценное разбирательство.

При рассмотрении той или иной кандидатуры на приходскую должность консистория собирала сведения о претенденте, причем особенно важной частью их являлись данные о полученном образовании.

В Твери архиерейская школа была учреждена в 1722 г. епископом Сильвестром (по другим данным, фактически открыта в 1724 г. при епископе Феофилакте). В 1739 г. епископ Митрофан ввел изучение латыни, и школа была преобразована в семинарию. Во второй половине XVIII в. в епархии появляются и духовные училища в разных городах.

Источники позволили выяснить уровень образования 208 человек, определенных к приходским местам в Твери после 1-й ревизии и до конца XVIII в. Из них 164 человека учились в духовном учебном заведении в Тверской епархии (как правило, в Тверской

семинарии), 6 человек – в духовном учебном заведении в другом регионе, 38 человек не имели образования.

Оказалось возможным выяснить, из каких именно классов был выпущен 141 ученик, получивший духовное образование в Тверской или прочих духовных семинариях (в отношении других учеников имеется информация только об обучении в семинарии или архиерейской школе). Совсем небольшая часть воспитанников были исключены из низших классов семинарий. Существенно больше учеников покинули семинарии после окончания средних классов. И наконец, наибольшая часть была выпущена из старших классов («философии» и «богословия»).

В Осташкове в середине XVIII в. появились своя школа. В 1748 г. осташковским клирикам было предложено «на свой счет» организовать духовное училище, которое в январе 1751 г. приступило к обучению детей духовенства. В 1758 г. оно было закрыто, ученики переведены в Тверскую семинарию, а в 1772 г. – возрожденно вновь.

Таким образом, у сыновей осташковских клириков возможности для получения образования были несколько ниже, чем у сыновей тверских священно-церковнослужителей, но существенно превосходили возможности сыновей духовенства Ржева – города, в котором вовсе не было духовных учебных заведений. Это сказалось на степени образованности кандидатов, поступавших на приходские места в том и другом городах.

Источники сообщают об уровне образования 79 человек, ставших клириками в Ржеве. Совсем немногие из них – 21 человек проходили то или иное обучение вне дома, а 58 человек не имели никакого образования. В отношении большинства ржевских клириков, получивших образование, присутствует указание, что они учились в Тверской духовной семинарии. Известно, какие именно классы закончили 17 из них (в основном средние или высшие).

В Осташкове известен уровень образования 80 человек, определенных на священно-церковнослужительские должности. Из их числа 59 человек были выпущены из какого-либо учебного заведения и только 21 человек нигде не учился. Абсолютное большинство осташковцев проходило обучение на территории Тверской епархии (в Тверской семинарии и Осташковском духовном училище). Известно, из каких классов были выпущены 49 из числа осташковских священно-церковнослужителей, получивших духовное образование (в большинстве из средних или высших).

Таким образом, осташковские показатели уровня образования клириков в XVIII в. весьма близки к тверским, а ржевские – существенно ниже и тех и других.

Приведенные в диссертации данные показывают, что в городах отсутствие духовного образования или исключение из низших классов в XVIII в., как правило, не позволяло при первоначальном определении на должность занять никакого иного места, кроме церковнослужительского. Вместе с тем, исключение из средних классов также в большинстве случаев приносило ученику только место дьячка или пономаря, и лишь часть выпущенных из средних классов рукополагались в сан диакона. Увольнение из класса «философии» или полное окончание семинарского курса в богословском классе фактически гарантировало ученику скорое рукоположение в священнослужительский сан.

От уровня образования зависило не только первоначальное определение на то или иное место, но и дальнейшее развитие карьеры.

В Твери в XVIII в. отсутствие образования, увольнение из низших классов и, отчасти, из средних классов не позволяло, за исключением очень редких случаев, занять священнослужительскую должность (особенно священника) не только сразу после завершения образования, но даже и на протяжении службы. Как правило, все священники в городе и значительная часть диаконов были выпускниками именно старших классов семинарии. Они получали соответствующий сан либо сразу после окончания семинарии, либо в ходе дальнейшей службы.

Если в Ржеве из-за невозможности для большинства сыновей получить духовное образование многие клирики его не имели и «в школах не были» – в том числе, многие священнослужители, то в Осташкове то или иное образование получили более 70 % клириков. Как и в Твери, большинство осташковских священнослужителей, особенно во второй половине XVIII в., были выпускниками средних и высших классов семинарии.

В то же время, не имевшие образования или уволенные из низших и средних классов семинарии клирики порой могли рассчитывать на замещение более высоких вакансий, в том числе – священнослужительских, при перемещении на службу в другие города и села епархии или другие регионы. Были установлены данные о нескольких десятках тверских, ржевских и осташковских клириках, выбывших после 1-й ревизии и до конца XVIII в. в иногороднее духовенство. Значительная часть из них была перемещена в пределах епархии. При этом переводившиеся на службу из городов, как правило, занимали более высокую должность при сельских храмах.

Вместе с тем, переводы священно-церковнослужителей в другие населенные пункты осуществлялись не только для продвижения по службе, но и в качестве наказания со стороны епархиальных властей (иногда и с лишением сана). Для исправления виновных архиереи использовали не только перевод на менее значительные приходские

места и лишение должности, но и иные виды наказания. В их числе, например, была отсылка «в монастырские труды».

Тем не менее, подавляющее большинство клириков завершало свою службу в городе без каких-либо взысканий со стороны епархиальных властей. Часть из них занимала священно-церковнослужительские должности при храме до самой кончины, но многие, находясь в преклонном возрасте, оставляли действительную службу и выходили за штат.

Четвертая глава – «Матримониальные связи, демографические процессы и ономастика духовенства» посвящена изучению этих аспектов истории и генеалогии клириков Твери, Ржева и Осташкова.

В ее **первом разделе** – «Семейно-родственные отношения городских священно-церковнослужителей» рассматриваются особенности матримониальных отношений священно-церковнослужителей в XVIII в., их значение при наследовании приходских мест, связь духовенства с представителями других сословий через заключавшиеся браки.

Метрические книги, исповедные росписи, ревизские сказки и делопроизводственные документы консистории позволяют установить данные о нескольких сотнях брачных союзов, заключенных представителями семей тверского, ржевского и осташковского духовенства со времени 1-й ревизии и до конца XVIII в. Некоторые из брачных альянсов священно-церковнослужителей и членов их семей остались неизвестны, что обусловлено состоянием источниковой базы, но имеющиеся данные позволяют судить об общих тенденциях в матримониальных связях духовенства.

Согласно имеющимся данным, семейно-родственные отношения представителей духовенства Твери в рассматриваемый период были достаточно разнообразны. Как показывают приведенные в диссертации сведения, в большинстве своем браки в среде тверских священно-церковнослужителей носили внутрисословный характер и заключались между членами семей духовенства (48,2 %). К ним близки матримониальные союзы представителей «духовного сословия» с архиерейскими, монастырскими служителями и певчими. Значительную по численности группу составляют браки представителей семей духовенства Твери с городским населением – посадскими (купцами и мещанами) (29,7 %). Гораздо малочисленнее были матримониальные связи духовенства с представителями других сословий и сословных групп (приказными, крестьянами и разночинцами).

Матримониальные союзы духовенства Ржева и Осташкова в XVIII в. носили иной характер, чем в Твери. Количество внутрисословных браков (т.е. заключаемых исключительно внутри семей клириков), было существенно меньше в Ржеве (31,4 %) и,

тем более, в Осташкове (16,8 %). Гораздо многочисленнее в Ржеве и Осташкове были браки с представителями посадских обществ (применительно к Осташкову, при подсчетах в их число были включены браки с крестьянами местных слобод, которые и составили во второй половине XVIII в. собственно посадское население этого города). В Ржеве число таких союзов более чем вдвое в процентном отношении превышает тверские показатели (61,2 %), а в Осташкове – более чем в два с половиной раза (77,5 %). Как и в Твери, совсем малочисленны в Ржеве и Осташкове были матримониальные союзы с представителями других сословий и сословных групп.

В ситуациях, когда брак заключался между потомками городских священно-церковнослужителей и священно-церковнослужителей других населенных мест епархии, довольно часто сыновья иногородних клириков женились на дочерях тверского, ржевского или осташковского духовенства и позднее наследовали приходские места в этих городах.

Поскольку значительную часть брачных союзов духовенство заключало в своей среде, это вело к возникновению обширных родственных связей по свойству. Источники, как правило, фиксируют связь только двух, трех, четырех или пяти семей, но в некоторых случаях они позволяют проследить гораздо более сложные комбинации. Это особенно заметно среди священно-церковнослужителей кафедрального центра и в меньшей степени – Ржева и Осташкова.

Во **втором разделе четвертой главы** – «Демографические аспекты истории городского духовенства» рассматриваются данные о среднем возрасте духовенства, количестве детей в семьях, уровне рождаемости и смертности.

Важной составляющей изучаемой темы является вопрос о возрасте клириков, служивших в эти периоды при городских церквях. Если в начале XVIII в. в Твери средний возраст священников более чем в полтора раза превышал средний возраст диаконов и еще больше – средний возраст церковнослужителей, то к концу столетия этот показатель для всех клириков фактически сравнялся. Таким образом, в начале века по достижении определенных лет, как правило, происходило перемещение с должности на должность (церковнослужитель – диакон – священник), определяемое, прежде всего, наследственным фактором, а к концу века замещение той или иной должности в целом перестало зависеть от возрастной составляющей, хотя и не потеряло полностью связи с наследственной практикой. Эти изменения в значительной степени зависели от развивающейся системы образования, когда на священнические места могли претендовать, в первую очередь, молодые выпускники духовных учебных заведений, а получившие лишь частичное

образование или вовсе не имевшие его лица были вынуждены подолгу занимать должности диаконов или, еще чаще – простых причетников в приходах.

Возрастные показатели клириков в Ржеве и Осташкове в чем-то отличались, а в чем-то совпадали друг с другом и с аналогичными показателями священно-церковнослужителей кафедрального центра. Имеющиеся различия были обусловлены спецификой службы духовенства Твери, Ржева и Осташкова: определением на должности, получаемым образованием, наследственностью приходских мест, количеством тех или иных категорий клириков (например, диаконов) и т.п.

В разделе также проводится подробный анализ состава семей духовенства Твери, Ржева и Осташкова, выясняется число женатых, вдовцов и холостяков среди клириков, количество бездетных семей (около 19 %), среднее число детей в семьях (2,8 – в Твери и Ржеве, 2,7 – в Осташкове), а также соотношение числа рожденных и умерших в семьях городских клириков (здесь наблюдаются разные показатели в процентном отношении, но отмечается безусловная тенденция превышения рождаемости над смертностью). Эти данные оказываются в значительной степени идентичными аналогичным показателям в семьях посадских расположенного недалеко от Твери города Бежецка во второй половине XVIII в., приводимых в монографии А.Б. Каменского²⁰.

В третьем разделе четвертой главы – «Имена священно-церковнослужителей и членов их семей» помещены таблицы, содержащие полный спектр мужских и женских имен в семьях духовенства Твери, Ржева и Осташкова.

Данные, внесенные в таблицы, показывают, что среди мужских имен в начале и в конце XVIII в. во всех городах на первом месте находилось имя Иван (в Твери и Ржеве с большим отрывом). К числу наиболее распространенных также относились имена Алексей, Петр, Василий, Михаил, Семен, Степан, Федор и некоторые другие. При сравнении с именами горожан Бежецка, приводимыми в монографии А.Б. Каменского, видно, что эти имена были популярны и в посадской среде.

Вероятно, выбор имени при рождении сына в семье клириков, как и в семьях представителей других сословий, в первую очередь, диктовался сложившейся светской традицией и популярностью тех или иных имен и не особенно зависел от церковной составляющей. Например, имя одного из самых почитаемых в России святых – Святителя Николая Чудотворца в начале XVIII в. носил только 1 из всех представителей мужской части семей клириков Твери, а в Ржеве и в Осташковских слободах оно не встречается вовсе.

²⁰ Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2006. 407 с.

Среди женских имен в семьях духовенства наиболее распространенными были имена Анна, Евдокия (Авдотья), Мария, Параскева, Ирина, Наталья и некоторые другие. Приведенные данные не слишком отличаются от общероссийской картины, о чем свидетельствует исследование В.А. Никонова, содержащее анализ женских имен нескольких регионов в XVIII в., а также данные А.Б. Каменского по жителям Бежецка²¹.

Четвертый раздел четвертой главы – «Фамилии священно-церковнослужителей» содержит обзор фамильных прозваний городских клириков.

Источники позволяют установить данные о фамилиях довольно значительного числа родов и семей, состоявших на духовной службе: 106 – тверских, 27 – ржевских и 26 – осташковских.

В отношении некоторых фамилий можно утверждать, что их носили предки клириков, не учившиеся ни в каких духовных школах. Как правило, эти лица принадлежали к другим сословиям (прежде всего, посадским), и их потомки, став священно-церковнослужителями, сохранили фамилии своих отцов. Иногда фамилии в XVII – начале XVIII вв. имели и некоторые представители «старинного» духовенства.

Во многих случаях установить, когда появилась фамилия у того или иного священно-церковнослужительского рода, не представляется возможным. В писцовых и переписных книгах XVII в., а позднее в материалах ревизий и в документах церковного учета в XVIII в. клирики, как правило, упоминаются без фамилий, даже в случае их наличия.

Происхождение некоторых фамилий удастся выяснить лишь гипотетически, происхождение других – более уверенно. К числу последних, в первую очередь, относятся фамилии, образованные от церковных должностей, занимаемых клириками (Протопоповы, Поповы, Диаконовы и др.). Некоторые фамилии были образованы от наименований храмов, при которых служили представители священно-церковнослужительских родов (Благовещенские, Покровские, Воздвиженские, Преображенские и др.). Часть фамилий духовенства оказалась произведена от географических наименований (Волынские, Горские, Сальковские и др.). Несколько фамилий были образованы от имен собственных (Наумовы, Титовы, Алексеевы и др.). К числу «искусственных» семинарских фамилий, произведенных от тех или иных определений или названий, можно с уверенностью отнести лишь часть из них (Базилевские, Исполатовы, Александрийские, Сидонские и др.). В то же время, большинство фамилий духовенства были образованы, вероятно, от тех или иных прозвищ.

²¹ Каменский А.Б. Указ. соч.; Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.

Часть подобных фамилий имеет вполне традиционный характер (Блохины, Волковы, Голубевы, Орловы, Носовых, Чижовы и др.).

Некоторые фамилии были широко распространены в среде духовенства и их носили многие лица, не являвшиеся родственниками. Так, наиболее часто встречается в источниках фамилия Поповых. Иногда представители одного и того же священно-церковнослужительского рода получали в XVIII в. сразу несколько фамилий. Например, потомки одного из священников Твери имели четыре разных фамилии.

Таким образом, складывающаяся в XVIII в. в Твери, Ржеве и Осташкове, как и в других регионах, система фамильных прозваний духовенства была весьма далека от завершения и носила по преимуществу хаотический характер.

В **Заключении** к диссертации отмечается, что широкий круг источников по генеалогии священно-церковнослужителей русского города XVIII в. и разработанные методы восстановления генеалогии клириков позволили подробно исследовать историю духовенства Твери, Ржева и Осташкова в рассматриваемый период, реконструировать родословия клириков и на основе проведенного анализа сформулировать **общие выводы**:

Все три изучаемых города отличались своей спецификой, и процессы, происходившие здесь с духовенством в XVIII в., во многом не были идентичными, что обусловило некоторую разницу в «социальных портретах» местных клириков.

Тверь представляла собой крупный кафедральный центр с большим количеством храмов и служащего при них духовенства. Однако, начиная с 1720-х гг. и к концу столетия, число храмов уменьшается, и пропорционально происходит значительное сокращение численности священно-церковнослужителей (более чем на 15 %). Ржев в этот период являлся типичным уездным городом Европейской части России со средним количеством церквей и состоявших при них клириков, и на протяжении XVIII в. их численность остается фактически неизменной. Осташков в XVIII в. был не совсем обычным городом. Значительную часть столетия являясь *de facto* городом, он юридически представлял две обширные слободы, население которых, впрочем, по образу жизни не отличалось от посадских. Статус города Осташков получает в последней трети столетия, но одна из его церквей стала собором с собственным штатным протопопом еще в 1740-е гг. В городе было сначала три, а впоследствии четыре храма, что почти вдвое меньше, чем в среднем уездном городе в этот период, однако два из этих храмов по числу служивших в них клириков приближались к кафедральному собору епархии. Количество духовенства, состоявшего при осташковских храмах, увеличивается с 1720-х гг. к концу века более чем на 25 %.

Во время учреждения синодальной системы в первой четверти XVIII в. социальный состав местного духовенства отличался друг от друга. Если в Ржеве все 100 % священно-церковнослужителей являлись потомками городских и сельских клириков различных уездов, то в Твери таковыми были только 83,8 %. Более 16 % среди духовенства кафедрального центра составляли выходцы из других социальных слоев, в том числе посадских, приказных, ремесленников и др. В Осташковских слободах сыновьями клириков были 96 % местных священно-церковнослужителей, однако косвенные признаки указывают на их возможное происхождение из среды слободского крестьянства.

В дальнейшем, на протяжении столетия, число потомков духовенства достигает почти 100 % среди городских священно-церковнослужителей не только в Ржеве, но также в Осташкове и Твери. Однако, если в начале XVIII в. доступ в ряды клириков для представителей других сословий был возможен, а к концу века он фактически прекращается, то пополнение за счет духовенства других социальных категорий, в первую очередь, посадских, солдат или приказных, напротив, и в тот, и в другой периоды было не только обеспечено, но и даже в какой-то мере стимулировалось со стороны властей или носило принудительный характер (введение штатов, проведение «разборов» и др.).

Таким образом, изучение генеалогии клириков Твери, Ржева и Осташкова позволяет утверждать, что в течение XVIII в. духовенство превращается в социальную группу в составе городского населения, в полной мере замкнутую «на входе», но весьма открытую «на выходе», что полностью подтверждает высказанное ранее в историографии аналогичное мнение в отношении всего духовенства России.

Значительная часть приходских мест в городах передавалась по наследству, и многие кандидаты, занимавшие должности при церквях, были сыновьями, внуками, а иногда и более отдаленными наследниками служивших здесь же клириков. В период 1-й ревизии среди потомков духовенства в Твери сыновьями собственно тверских священно-церковнослужителей являлись 83,5 %, в Ржеве сыновьями ржевских клириков – 86,5 %, в Осташковских слободах сыновьями осташковских клириков – все 100 %. При этом, во многих храмах в Твери и Ржеве все члены причта (или большинство членов причта) были родственниками по мужской линии. К концу века количество потомков местных клириков среди городского духовенства становится существенно меньше (из числа определенных на приходские должности после 1-й ревизии в Твери таковыми были 58,7 %, в Осташкове – 65,6 %, в Ржеве – 71,3 %). Во время проведения 5-й ревизии в Твери, Ржеве и Осташкове не было ни одного храма, в котором все клирики являлись бы родственниками по мужской линии. Тем не менее, в составе духовенства во всех городах продолжали

сохраняться существовавшие здесь из поколения в поколение «старинные» священно-церковнослужительские династии.

Представителями этих династий были некоторые из протоиереев городских соборов, составлявших своего рода элиту епархиального духовенства. Многие из них, особенно в Ржеве и Осташкове, состояли в родстве между собой, и в некоторых случаях протоиерейские должности напрямую наследовались (что менее свойственно для кафедрального центра). Протоиереи одновременно исполняли высокие административные должности – «поповских старост», благочинных, а в Твери даже членов духовной консистории, тем самым являясь помощниками правящего архиерея. Некоторые из протоиереев также преподавали в семинарии и в училищах. Большинство из них до назначения на протоиерейскую должность проходили хорошую подготовку (служили при тех же соборах, в Твери – часто ключарями), а с появлением специальных учебных заведений все они являлись выпускниками богословских классов.

Развитие системы духовного образования повлияло и на подготовку многих других клириков. Наличие специального учебного заведения в городе со временем обеспечивало замещение большинства приходских мест кандидатами, получившими то или иное образование. Так, в Твери из числа определенных на священно-церковнослужительские вакансии после 1-й ревизии более 81,7 % кандидатов имели «школьную» подготовку, при этом многие из них являлись выпускниками высших семинарских классов (философии или богословия). Как правило, только это позволяло после выхода из семинарии или в ходе дальнейшей службы занять священнослужительские должности (особенно священника) в городе. Отсутствие образования или увольнение из низших (а нередко и из средних) классов семинарии не давало возможности претендовать в Твери ни на какое место, кроме церковнослужительского. Это обусловило появление в Твери в течение века значительного числа выходцев из иногороднего духовенства, имевших хороший уровень образования. Фактор образования и появление «ученой молодежи» в значительной мере способствовали тому, что в XVIII в. фактически сходит на нет влияние прихожан на отбор кандидатов при замещении мест в городских храмах. Тверские архиереи не приветствовали систему приходских выборов, и роль мирян при определении претендентов на священно-церковнослужительские должности в городах приобретает формальный характер.

В свою очередь, в Осташкове, где существовало духовное училище, 73,7 % кандидатов, поступивших после 1720-х гг. на приходские места в городе, имели определенную «школьную» подготовку. И только в Ржеве, где отсутствовали собственные учебные заведения, а посылать сыновей для учебы в другие города было для клириков

затруднительно, лишь 26,6 % из определенных после 1-й ревизии на должности к храмам учились до этого в семинарии или духовных училищах.

Одновременно в Твери и в Осташкове, где количество сыновей клириков, прошедших школьную подготовку, было особенно велико, часть из них выбывала со временем в «приказное звание», пополняя ряды образованных государственных служащих.

Наследственность приходских мест в течение столетия несколько сокращается, хотя и продолжает существовать, при этом рассчитывать на то, чтобы занять место при храме, могли и кандидаты, вступившие в брак с дочерьми клириков. В Твери около половины матримониальных союзов (48,2 %), заключенных в семьях священно-церковнослужителей, носили внутрисословный характер, и, в силу этого, немалая часть городского духовенства состояла в родстве по свойству (в Ржеве внутрисословные браки составляли 31,4 %, в Осташкове – 16,8 %). Именно поэтому в Твери было выше количество приходских мест, полученных кандидатами в приданное за своими невестами, а в Ржеве и Осташкове – должностей, наследованных по мужской линии.

В то же время, не все приходские места наследовались кандидатами на их замещение. Хорошо подготовленные выпускники семинарии могли занять приходскую должность, вовсе не будучи родственниками своих предшественников. В результате, чтобы устроить судьбу дочерей, часть клириков выдавала их замуж за иносословных, в частности, за представителей посадского общества (в Твери – 29,7 %). Еще более характерны были браки с местными посадскими для духовенства Ржева (61,2 %) и особенно Осташкова (77,5 %).

Вообще, связь городских священно-церковнослужителей с посадскими в тверском регионе была довольно тесной, и даже основные демографические процессы в среде местного городского духовенства в XVIII в. фактически не отличались от сходных процессов среди посадского населения. Это касается и среднего количества детей в семьях клириков и посадских, числа бездетных семей, соотношения рождаемости и смертности.

Довольно близко к посадскому населению (а отчасти, и к представителям других сословий) городское духовенство оказывается и по составу имен, которые присваивались детям и мало зависели в XVIII в. от сословной составляющей. Совсем иная картина складывается при рассмотрении фамилий священно-церковнослужителей. В среде духовенства стройная и законченная система фамильных прозваний не появилась на протяжении всего столетия, хотя изучение тверских, ржевских и осташковских клириков

отчасти опровергает мнение некоторых исследователей, что все русские священно-церковнослужители не имели собственных фамилий до появления учебных заведений.

Таким образом, в истории духовенства Твери, Ржева и Осташкова в рассматриваемый период наблюдается много общего (наследование приходских должностей, наличие местных священно-церковнослужительских династий и своеобразной городской элиты в среде духовенства, замещавшей должности при соборах и исполнявшей также административные функции, и др.) и одновременно немало различий (динамика изменения численности храмов и духовенства, социальный состав священно-церковнослужителей в начале века, уровень образования, характер матримониальных связей и др.).

В свою очередь, можно отметить, что если некоторые выводы, сложившиеся в историографии в оценке православного духовенства XVIII в., подтверждаются в результате изучения генеалогии клириков Твери, Ржева и Осташкова (об окончательном превращении духовенства в замкнутое сословие, фактическом упразднении приходских выборов и т.д.), то, в то же время, вызывает сомнение применимость ко всем категориям духовенства других, весьма распространенных, концептуальных положений, высказанных в специальной литературе многими авторами (о повсеместном увеличении численности священно-церковнослужителей, невысокой образованности всех клириков и т.д.). Все это еще раз доказывает, что исследование духовенства как некоей единой социальной группы не является полностью правомерным и вызывает необходимость отдельного изучения священно-церковнослужителей столиц, кафедральных центров, небольших уездных городов и сельских клириков в разных регионах, в том числе, на основе рассмотрения их генеалогии.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК

1. Матисон, А.В. *Рецензия на: Переписная книга города Твери 1709 года.* Тверь, 2007 / А.В. Матисон // Отечественные архивы. – 2008. – № 6. – С. 129-130 (0,1 п.л.).
2. Матисон, А.В. «Брачная коллизия» в семье клирика Тверской епархии в середине XVIII века / А.В. Матисон // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2010. – Вып. 4. – С. 152-155 (0,2 п.л.).

3. Матисон, А.В. Брачные союзы православного духовенства уездных городов России в конце XVIII в.: Ржев и Осташков / А.В. Матисон // Вестник архивиста. – 2011. – № 4. – С. 130-137 (0,4 п.л.).
4. Матисон, А.В. Исследования родословия православного духовенства России / А.В. Матисон // Библиография. – 2011. – № 6. – С. 130-136 (0,6 п.л.).
5. Матисон, А.В. Соборные протоиереи Ржева и Осташкова в XVIII веке / А.В. Матисон // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2011. – Вып. 4. – С. 144-152 (0,5 п.л.).
6. Матисон, А.В. К биографии главы Осетинской духовной комиссии протоиерея Афанасия Петровича Лебедева / А.В. Матисон // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. – 2012. – № 1. – С. 71-73 (0,25 п.л.).
7. Матисон, А.В. Провинциальное духовенство России в XVIII в.: история и генеалогия клириков Осташкова / А.В. Матисон // Клио. – 2012. – № 4 (64). – С. 76-82 (1,1 п.л.).
8. Матисон, А.В. Уровень «школьного» образования духовенства уездных городов России в XVIII в. (Ржев и Осташков) / А.В. Матисон // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: «История. История Русской Православной Церкви». – 2012. – Вып. 3 (46). – С. 7-15 (0,6 п.л.).
9. Матисон, А.В. Священноцерковнослужители Ржева XVIII в.: история и генеалогия / Матисон А.В. // Клио. – 2012. – № 7 (67). – С. 77-83 (1,1 п.л.).
10. Матисон, А.В. «Сколько по смерть реченного протопопа Афонася Петрова пажити ево и какой точно осталось». Дело об имуществе протоиерея Афанасия Лебедева. Вторая половина XVIII в. / А.В. Матисон // Исторический архив. – 2012. – № 5. – С. 187-196 (0,7 п.л.).
11. Матисон, А.В. «Отослан в армию в полки». Военные священнослужители – тверичи в XVIII веке / А.В. Матисон // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 2. – С. 61-62 (0,3 п.л.).
12. Матисон, А.В. Генеалогия тверских священно-церковнослужителей Моревых и епископ Амвросий (Морев) / А.В. Матисон // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2013. – Вып. 3. – С. 110-115 (0,35 п.л.).
13. Матисон, А.В. *Рецензия на:* Леонтьева Т.Г. Священник Иоанн Белюстин: биография в документах. Москва-Тверь, 2012 / А.В. Матисон // Вопросы истории. – 2014. – № 2. – С. 170-171 (0,2 п.л.).

14. Матисон, А.В. Имена и фамилии православных священно-церковнослужителей и членов их семей в XVIII в. (на примере духовенства Ржева и Осташкова) / А.В. Матисон // Вопросы ономастики. – 2014. – № 1 (16). – С. 50-62 (0,7 п.л.)
15. Матисон, А.В. Записки провинциального священника [*Рецензия на: Из истории провинциального духовенства: записки священника В.Ф. Владиславлева: Хрестоматия. Тверь, 2012*] / А.В. Матисон // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: «История. История Русской Православной Церкви». – 2014. – Вып. 3 (58). – С. 149-152 (0,25 п.л.).
16. Матисон, А.В. Писцовые книги как источник изучения состава вкладчиков городских храмов второй половины XVII в. (на примере города Твери) / А.В. Матисон // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2015. – Вып. 1. – С. 117-135 (1,15 п.л.).

Монографии

17. Матисон, А.В. Генеалогия православного приходского духовенства России XVIII – начала XX веков: История рода Мощанских / А.В. Матисон. – М.: Научная книга, 2000. – 120 с. (5 п.л.).
18. Матисон, А.В. Православное духовенство русского города XVIII века: генеалогия священно-церковнослужителей Твери / А.В. Матисон. – М.: «Старая Басманная», 2009. – 268 с. (12 п.л.).

Справочные издания и публикации источников

19. Матисон, А.В. Духовенство Тверской епархии XVIII – начала XX веков: Родословные росписи / А.В. Матисон. – Выпуск первый. – СПб.: Издательство ВИРД, 2002. – 216 с. (7 п.л.).
20. Матисон, А.В. Духовенство Тверской епархии XVIII – начала XX веков: Родословные росписи / А.В. Матисон. – Выпуск второй. – СПб.: Издательство ВИРД, 2003. – 180 с. (6 п.л.).
21. Матисон, А.В. Духовенство Тверской епархии XVIII – начала XX веков: Родословные росписи / А.В. Матисон. – Выпуск третий. – СПб.: Издательство ВИРД, 2004. – 202 с. (6,5 п.л.).
22. Матисон, А.В. Духовенство Тверской епархии XVIII – начала XX веков: Родословные росписи / А.В. Матисон. – Выпуск четвертый. – СПб.: Издательство ВИРД, 2005. – 200 с. (6,5 п.л.).

23. Матисон, А.В. Духовенство Тверской епархии XVIII – начала XX веков: Родословные росписи / А.В. Матисон. – Выпуск пятый. – СПб.: Издательство «Анатолия», 2007. – 206 с. (6,5 п.л.).
24. Матисон, А.В. Духовенство Тверской епархии XVIII – начала XX веков: Родословные росписи / А.В. Матисон. – Выпуск шестой. – М.: «Старая Басманная», 2011. – 178 с. (6 п.л.).
25. Матисон, А.В. Духовенство Тверской епархии XVIII – начала XX веков: Родословные росписи / А.В. Матисон. – Выпуск седьмой. – М.: «Старая Басманная», 2013. – 212 с. (7 п.л.).
26. Матисон, А.В. Духовенство Тверской епархии XVIII – начала XX веков: Родословные росписи / Матисон А.В. – Выпуск восьмой. – М.: «Старая Басманная», 2014. – 238 с. (7,5 п.л.).
27. Матисон, А.В. Духовенство Тверской епархии XVIII – начала XX веков: Родословные росписи / А.В. Матисон. – Выпуск девятый. – М.: «Старая Басманная», 2015. – 204 с. (6,5 п.л.).
28. Переписные книги Твери XVII века [*составление, вступительная статья* А.В. Матисон]. – М.: «Старая Басманная», 2014. – 124 с. (3,5 п.л.).
29. Писцовая и межевая книга Твери 1685-1686 годов [*составление, вступительная статья* А.В. Матисон]. – М.: «Старая Басманная», 2014. – 348 с. (16,5 п.л.).

Другие публикации

30. Матисон, А.В. Генеалогия православного духовенства России: постановка проблемы и методика изучения / А.В. Матисон // *Вспомогательные исторические дисциплины: Специальные функции и гуманитарные перспективы. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 1-2 февраля 2001 г.* – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – С. 85-87 (0,15 п.л.).
31. Матисон, А.В. Исследование по генеалогии православного духовенства России [*Рецензия на: Грамматин А.С. Грамматины. История рода священнослужителей Владимирской епархии. СПб., 1999*] / А.В. Матисон // *Генеалогический вестник.* – 2001. – Вып. 3. – С. 62-64 (0,15 п.л.).
32. Матисон, А.В. Источники изучения генеалогии православного приходского духовенства России XVIII – начала XX вв. / А.В. Матисон // *2000-летию Рождества Христова посвящается: Специальный выпуск «Вестника архивиста».* – М., 2001. – С. 131-137 (0,3 п.л.).

33. Матисон, А.В. Возведение православных священнослужителей в дворянское достоинство в XVIII – начале XX вв. (на примере духовенства Тверской епархии) / А.В. Матисон // Генеалогический вестник. – 2001. – Вып. 5. – С. 40-47 (0,5 п.л.).
34. Матисон, А.В. Священно-церковнослужительские роды Болотовых Тверской епархии / А.В. Матисон // Генеалогический вестник. – 2002. Вып. 8. – С. 54-58 (0,3 п.л.).
35. Матисон, А.В. Сословные связи приходского духовенства с посадским населением и приказными служителями русского города в начале XVIII в. (на примере священно-церковнослужителей Твери) / А.В. Матисон // Вестник архивиста. – 2002. – № 3. – С. 263-270 (0,3 п.л.).
36. Матисон, А.В. Наследственная служба в местных учреждениях России в XVIII в. (генеалогия приказных служителей Боровска) / А.В. Матисон // Боровск: страницы истории. – 2002. – № 4. – С. 4-10 (0,3 п.л.).
37. Матисон, А.В. Дворянская ветвь тверского священно-церковнослужительского рода Владиславлевых / А.В. Матисон // Традиции династий Верхневолжья: Материалы региональной научно-практической конференции. Тверь – Калязин, 8-10 сентября 2003 г. – Тверь: Тверской государственный университет, 2004. – С. 150-153 (0,2 п.л.).
38. Матисон, А.В. Реконструкция генеалогии православного приходского духовенства по материалам писцовых и переписных описаний (на примере священно-церковнослужителей Боровска) / А.В. Матисон // Боровск: страницы истории. – 2005. – № 5. – С. 17-23 (0,3 п.л.).
39. Матисон, А.В. Привилегированное духовенство русской провинции XVIII – начала XX вв. (на примере кафедральных протоиереев Твери) / А.В. Матисон // Вестник архивиста. – 2005. – № 5-6. – С. 228-240 (0,5 п.л.).
40. Матисон, А.В. Церковнослужители, приказные и дворяне Крыжовы Тверской губернии / А.В. Матисон // Род и семья в контексте тверской истории. Сборник научных статей. – Тверь: Лилия Принт, 2005. – С. 110-115 (0,4 п.л.).
41. Матисон, А.В. Епархиальные периодические издания второй половины XIX – начала XX в. как источник по генеалогии православного духовенства России / А.В. Матисон // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: материалы XVIII научной конференции. Москва, 26-28 января 2006 г. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2006. – С. 291-292 (0,1 п.л.).
42. Матисон, А.В. Приходское духовенство Твери по переписной книге 1709 года / А.В. Матисон // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сборник научных трудов Всероссийской заочной конференции. – Тверь: Славянский мир, 2006. – Вып. 2. – С. 14-21 (0,3 п.л.)

43. Матисон, А.В. Матримониальные связи православного приходского духовенства в конце XVIII века: город Тверь / А.В. Матисон // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сборник научных трудов Международной заочной конференции. – Тверь: Тверской государственный университет, 2008. – Вып. 3. – С. 58-65 (0,4 п.л.).
44. Матисон, А.В. Историография генеалогии православного духовенства России / А.В. Матисон // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Международной научной конференции. Москва, 31 января-2 февраля 2013 г.: В 2 ч. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013. – Ч. 2. – С. 399-402 (0,15 п.л.).
45. Матисон, А.В. Материалы для истории повседневности православного духовенства России XVIII в. в фондах духовных консисторий / А.В. Матисон // Гиштории российские или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского. – М.: «Древлехранилище», 2014. – С. 276-287 (0,55 п.л.).